

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

КАФЕДРА ЯЗЫКОВОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕБЕНКА

ЛАБОРАТОРИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

ПРОБЛЕМЫ ОНТОЛИНГВИСТИКИ — 2016

МАТЕРИАЛЫ
ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

23–26 МАРТА 2016 ГОДА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 81'232
ББК 88.8
П78

П78 Проблемы онтолингвистики — 2016: Материалы ежегодной международной научной конференции. 23–26 марта 2016, Санкт-Петербург / РГПУ им. А. И. Герцена, Кафедра языкового и литературного образования ребенка, Лаборатория детской речи; редкол.: Т. А. Круглякова, М. А. Еливанова. — Иваново: ЛИСТОС, 2016. — 532 с.

ISBN — 978-5-905158-76-6

В сборник вошли материалы ежегодной международной научной конференции по онтолингвистике. В статьях прослеживаются основные направления современных онтолингвистических исследований: вопросы становления грамматики, освоения словарного состава языка, постижение звуковой стороны речи, освоение письма, способы коммуникации на вербальном и довербальном этапе развития ребенка, особенности овладения жанрами и типами речи, специфика ранних детских текстов, литературное творчество школьников, смысловое восприятие речевого сообщения ребенком, детская речь на страницах художественной литературы.

Книга адресована лингвистам, психологам, логопедам, методистам по преподаванию русского языка как родного и иностранного.

УДК 81'232
ББК 88.8

ISBN — 978-5-905158-76-6

© Коллектив авторов, 2016.

ОНТОЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ

Г. Р. ДОБРОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ

ОНТОЛИНГВИСТИКА: ГРАНИЦЫ ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ¹

Термин «онтолингвистика» появился недавно: в 2006 г. его предложила С. Н. Цейтлин (см., например, Цейтлин 2008). Между тем раздел науки, который теперь известен в нашей стране под этим именем, выделился в самостоятельное «поле исследований», конечно, ранее. Вместе с тем, и сам этот раздел науки относится к новым: разумеется, была и появившаяся в 1933 г. книга К. И. Чуковского «От двух до пяти», был и А. Н. Гвоздев с его трудами 1920–1940-х гг., посвященными детской речи, и дневником его сына Жени, опубликованным только в 1981 г., но создававшимся в 1920-е гг., однако научное направление можно считать таковым, когда не только существуют отдельные «энтузиасты-одиночки», но и возникают научные школы. Поэтому недаром в статье «Википедии» А. Н. Гвоздев назван (справедливо) не основателем, а предшественником онтолингвистики. Соответственно, как представляется, онтолингвистику можно считать самостоятельным научным направлением лишь с конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Как и любое новое научное направление, онтолингвистика на первом этапе своего существования как научного направления начинала с определения своих «внешних границ», т. е. с отграничения

¹ Работа осуществлялась при поддержке РФФ — проект 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

своего «поля деятельности» от «полей» других научных дисциплин. В первую очередь, онтолингвисты заявили о своем «размежевании» с педагогикой и методическими дисциплинами типа методики развития речи: имея общий с ними объект исследования (речь детей), онтолингвистика, в отличие от них, является наукой констатирующего, диагностирующего, но не формирующего характера. Это, разумеется, не значит, что онтолингвисты не признают возможности, а в каких-то случаях (например, в рамках учебной работы со студентами) и необходимости, педагогических «выходов» — рекомендаций для практиков, работающих с детьми, и родителей детей. Однако это — лишь «выходы», т. е. отступления за рамки онтолингвистики как науки, на соседнее «поле». Сложнее обстояло и обстоит дело с разграничением онтолингвистики и лингвистики («большой лингвистики»). Будучи в подавляющем большинстве по своему базовому образованию и области нынешней профессиональной деятельности лингвистами, отечественные онтолингвисты никогда не стремились отделить себя от лингвистики и обычно, напротив, подчеркивают свое «родство» с «большой лингвистикой», а онтолингвистику воспринимают как часть этой «большой лингвистики». Вместе с тем, так ли это? Ответ на этот вопрос — двойственный: с одной стороны, конечно, это верно, поскольку, как известно, детская речь — это своеобразное «зеркало» языка, но, с другой стороны, отличие онтолингвистики от «большой лингвистики» — отнюдь не только в специфике материала исследования, но и в особенности подходов к этому материалу, интересу к становлению языковой личности, в котором очень сложно оторвать речевое развитие от когнитивного развития, а иногда и от других проблем — например, нейрофизиологического характера. Можно, конечно, в этой связи говорить о «пограничности» онтолингвистики с другими областями науки, например, с психологией, но можно и задуматься над определением собственного «поля исследования». Онтолингвисты, ощущая себя в какой-то степени «младшими братьями» «большой лингвистики», часто ставят, в том числе и сами перед собой, вопрос о том, что может онтолингвистика дать «большому брату» — лингвистике. При этом вопрос о том, а что же может «большая лингвистика» дать онтолингвистике, практически никогда не ставится: очевидно, что она снабдила онтолингвистов совокупностью знаний о языке, которые и являются их ядерным научным потенциалом. Между тем и такой вопрос тоже правомочен.

Итак, представляется очевидным, что у онтолингвистики есть весьма размытые границы с «большой лингвистикой». При этом

онтолингвистика чаще всего граничит не с «основным материком большой лингвистики», если можно так выразиться, а с отдельными разделами лингвистики — психолингвистикой, нейролингвистикой, социолингвистикой. Нам приходилось уже несколько раз писать о том, почему мы не считаем, как это нередко делают, онтолингвистику частью психолингвистики, а полагаем, что это — различные области науки, имеющие довольно большую область взаимопересечений; как же именно онтолингвистика, с нашей точки зрения, пересекается с психолингвистикой, будет показано ниже, при определении внутренних границ онтолингвистики.

Не менее размытыми представляются границы онтолингвистики и с психологией: речевая деятельность (в данном случае — ребенка), будучи одной из центральных функций нервной системы человека, является объектом интереса и психологов. При этом психология (равно как и «большая лингвистика») — тоже наука констатирующая, диагностирующая и, в отличие от педагогики и различных методик, не формирующая, что предопределяет ее внутреннее, в каком-то отношении — генетическое, родство с онтолингвистикой. Недаром многие крупнейшие онтолингвисты (в основном — так сложилось — не отечественные, а зарубежные) по своему «происхождению» являются психологами.

Таким образом, можно констатировать, что еще на первом этапе развития онтолингвистики как науки были определены ее внешние границы — в каких-то случаях отчетливо выраженные, в каких-то — размытые, но эта размытость определяется не недостаточной проработанностью вопроса о границах, а самой природой онтолингвистики как науки, возникшей и развившейся (как и многие пограничные науки последних десятилетий — например, биохимия или биофизика) на границе, на стыке различных наук — на стыке лингвистики и психологии.

Вместе с тем онтолингвистика, как представляется, перешла в последние годы на новый, второй этап своего развития — этап определения внутренних границ, вычленения своих внутренних «составляющих». Традиционно, например — при проведении научных конференций по онтолингвистике, выделяют такие ее разделы, как возрастная фонология, возрастная лексикология, грамматика и т. д. При этом параллельно с такими разделами-секциями выделяют, например, речь взрослых, обращенную к детям, метаязыковую деятельность детей и т. д. и т. п. (см., к примеру, программу данной конференции). Такое «расчленение» онтолингвистики, разумеется, не может претендовать и не претендует на научный

характер: это лишь выделение неких «центров притяжения», как-то разграничивающих многообразные онтолингвистические исследования по их тематике.

Вместе с тем, имеет, вероятно, смысл на нынешнем этапе развития онтолингвистики задуматься о ее «членении» и более серьезно. Прежде всего, стоит, возможно, разграничить онтолингвистику нормы L1, онтолингвистику нормы L2 и онтолингвистику патологии (названия, разумеется, условные). В каждом из этих разделов есть своя градация: например, среди онтолингвистики патологии можно выделить разделы, изучающие патологию, обусловленную дисфункциями интеллекта, нарушениями зрения, нарушениями слуха и т. п. Никак не претендуя на статус специалиста в этой области, остановимся подробнее на подразделении онтолингвистики нормы L1, т. е. раздела, изучающего речь детей-монолингвов с нормальным развитием (в отличие от онтолингвистики L2, изучающей речь нормально развивающихся детей-билингвов).

Внутри этой онтолингвистики L1 можно, наверное, выделить такие ее разделы, как возрастная лингвистика, возрастная психолингвистика, возрастная нейролингвистика, возрастная социолингвистика и, возможно, возрастная психология речи. Каждый из этих внутренних разделов имеет своего соответствующего «контрагента» за пределами внешних границ онтолингвистики. Так, например, возрастная психолингвистика¹ при такой классификации окажется пограничной с психолингвистикой, возрастная нейролингвистика — с нейролингвистикой, возрастная социолингвистика — с социолингвистикой и т. д. Наиболее интересно остановиться подробнее на возрастной лингвистике, на ее внешних границах и внутренних подразделениях. Возрастная лингвистика, так же, как и «большая лингвистика», может быть подразделена на возрастную фонологию (граничащую с «взрослой» фонологией), возрастную лексикологию (граничащую с «взрослой» лексикологией), возрастную морфологию (граничащую с «взрослой» морфологией) и т. д. Кроме того, здесь возможно и другое подразделение — на возрастную русистику (граничащую с «взрослой» русистикой), возрастную германистику (граничащую с «взрослой» германистикой) и т. п., а также возрастную компаративистику (гра-

¹ Этот термин использовался К. Ф. Седовым (например, *Возрастная психолингвистика* 2004) для обозначения того, что теперь в основном, вслед за С. Н. Цейтлин, принято называть онтолингвистикой; мы же считаем целесообразным оставить термин «возрастная психолингвистика» лишь за той частью онтолингвистических исследований, которая носит психолингвистическую направленность.

ничающую с компаративистикой) и, естественно, теоретическую онтолингвистику, граничащую с теорией языка (список по мере необходимости легко продолжить).

Может возникнуть вопрос: как же относительно небольшому количеству онтолингвистов удастся «закрыть» все эти многочисленные разделы онтолингвистики? Ответ достаточно прост: если в «большой лингвистике» редко можно увидеть, например, фонетиста, пишущего статью о проблемах лексической семантики, то онтолингвисты подобным совмещением функций вынуждены заниматься постоянно. На собственном примере можем это продемонстрировать: занимаясь (в последние годы) в основном возрастной социолингвистикой, мы постоянно исследуем какие-то проблемы, связанные и с возрастной психолингвистикой и даже нейролингвистикой, а также — в рамках возрастной русистики — возрастной лексикологией, возрастной морфологией, иногда даже возрастной фонологией, при этом не отказываясь от своего давнего интереса к возрастной теоретической онтолингвистике и возрастной компаративистике. Представляется, что многие онтолингвисты, давно работающие в этой области, обнаружат, что и сами являются такими «многоотаночниками».

Таким образом, представляется, что онтолингвист может «мигрировать» по различным разделам онтолингвистики, и происходит это в силу того, что основной объект исследования онтолингвистики — не язык как таковой, а ребенок (в аспекте его постижения языка), что выводит для онтолингвиста (не для лингвиста, ведущего исследование на материале детской речи, а для онтолингвиста) на первый план не конкретные языковые уровни, а процесс речевого онтогенеза — в его проявлениях на разных языковых уровнях.

Между тем, как представляется, есть и такие градации внутри онтолингвистики, которые предполагают возможности «миграции» исследователя в значительно меньшей степени. Это такие градации, которые обусловлены скорее «внутренним складом» самого исследователя. О них никогда не говорят, но всё же хотелось бы остановиться и на них.

Онтолингвистику условно можно подразделить на онтолингвистику фактов и онтолингвистику закономерностей. На это сразу возникает возражение, что невозможно выявлять закономерности, не опираясь на факты, равно как невозможно анализировать факты, не имея цели выявить какие-то закономерности. Разумеется, это так, однако хочется заострить внимание на том, что онтолингвистика, не подразделившаяся еще, в отличие от «большой лингвистики»,

на теорию языка и изучение конкретных языков, очень ярко демонстрирует при этом существование онтолингвистов двух типов — исследователей фактов и исследователей закономерностей. О каких, кстати, фактах и закономерностях может идти речь — о фактах и закономерностях языка (например, русского языка или языка вообще) или же о фактах и закономерностях речи детей? По-видимому, и о тех, и о других. Условно говоря, исследователя фактов языка интересует, как факты детской речи коррелируют с фактами языка, исследователи закономерностей языка — что нового выявляемое в детской речи закономерности могут внести в языковую теорию, исследователя фактов детской речи — как «устроена» детская речь как таковая, исследователей закономерностей детской речи — каковы закономерности речевого онтогенеза. При этом к «хорошей» онтолингвистике¹ из этих четырех следует отнести исследователей фактов и исследователей закономерностей именно детской речи — как находящихся в центре «поля» онтолингвистики. Теоретически и исследователи фактов, и исследователи закономерностей придерживаются единого подхода к структуре научного исследования: выдвигается некая гипотеза, которая в дальнейшем проверяется. Однако такое единство существует лишь в теории. На практике же исследователи фактов в качестве гипотезы опираются на некую «внешнюю» гипотезу — внешнюю по отношению к их исследованию, т. е. опираются на сформулированную кем-то центральную идею и проверяют ее на своем материале. Цель такого исследования — проверить, насколько справедлива эта («внешняя») гипотеза, и она либо подтверждается, либо не подтверждается. Такие исследования обычно представляют массу фактов — точных и выверенных, чем и определяется их ценность (в качестве примера такого исследования см., например, исследование М. Б. Елисейевой — к примеру, Елисейева 2015). Исследователи же закономерностей детской речи в качестве гипотезы выдвигают некую новую идею и проверяют ее фактами (которые также могут эту идею либо подтвердить, либо опровергнуть), но цель такого исследования в первую очередь — в формулировании новой идеи. Нет ни малейшего смысла обсуждать вопрос, какие исследования важнее — естественно, нужны и те, и другие. Однако, что интересно, исследователь фактов редко станет интересоваться исследованием

¹ Термин «хорошая» используем в данном случае в том смысле, как его использует Э. Рош (Rosch 1978): «хорошая» птица для американца, например, малиновка, а для русского воробей, похуже — голубь (великоват), еще «хуже» — курица (не летает) и совсем «плохая» птица — страус (большой, бегает, не летает и т. п.), т. е. термин «хороший» используется в значении «хороший представитель своего класса», безусловный, неоспоримый представитель.

закономерностей и наоборот. И, кстати, если говорить о пресловутых «номерах специальностей», то исследователи закономерностей детской речи относятся к специальности 10.02.19 («теория языка»), а исследователи фактов детской речи — например, к специальности 10.02.01 («русский язык»).

Таким образом, можно констатировать, что онтолингвистика находится уже на таком этапе своего развития, когда важно определять не только ее внешние, но и внутренние границы, что не менее важно, поскольку может помочь исследователю более отчетливо понять свое место на «карте» онтолингвистики.

Литература

Возрастная психоллингвистика: Хрестоматия / Сост. К. Ф. Седов. М., 2004.

Елисеева М. Б. Особенности употребления и склонения адъективных слов в речи ребенка раннего возраста // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 7 (68). С. 41–45.

Цейтлин С. Н. Онтолингвистика как учебная дисциплина // Русский язык в школе. 2008. № 6. С. 45–49.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. E. Rosch and B. Lloyd (Eds.) Hillsdale, NY, 1978. P. 27–48.